

ФОНД ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

Фонд «Либеральная Миссия»

Серия «Свобода и право»

Основана в 2012 г.

Алексей Давыдов

НЕПОЛИТИЧЕСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ В РОССИИ

Виктор Шейнис

ВЛАСТЬ И ЗАКОН

Политика и конституции в России в XX—XXI веках

Владимир Малахов

ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ

Концепции и практики

Александр Оболонский

ЭТИКА ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ

И РЕАЛИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Леонид Никитинский

АПОЛОГИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ

(в завтрашний номер: о правде и лжи)

Эмиль Паин, Сергей Федюнин

НАЦИЯ И ДЕМОКРАТИЯ

Перспективы управления культурным разнообразием

Игорь Клямкин

КАКАЯ ДОРОГА ВЕДЕТ К ПРАВУ?

СТАНДАРТЫ СПРАВЕДЛИВОГО ПРАВОСУДИЯ

Международные и национальные практики

Под ред. Т. Г. Морщаковой

ВЕРХОВЕНСТВО И ПРАВО КАК ФАКТОР ЭКОНОМИКИ

(Международная коллективная монография)

Под ред. А. Г. Федотова, Е. В. Новиковой,

А. Р. Розенцвайга, М. А. Субботина

«ОСОБЫЙ ПУТЬ» СТРАНЫ

Мифы и реальность

Под общ. ред. А. В. Оболонского

Игорь КЛЯМКИН

КАКАЯ ДОРОГА
ВЕДЕТ К ПРАВУ?

·МЫСЛЬ·
Москва 2018

УДК 32.001
ББК 66.052
К89

ФОНД ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

Клямкин, Игорь Моисеевич

К89   Какая дорога ведет к праву? / Игорь Клямкин. — Москва :
Либеральная миссия, 2018. — 1064 с.
ISBN 978-5-244-01131-9

В книге представлен дневник, который автор вел в «Фейсбуке» в 2014—2017 годах. В центре его внимания — ключевые события этих лет в Украине и реакция на них российских властей и российского общества. Отслеживается также их отражение в политике других стран (прежде всего США и Евросоюза), в дискуссиях на Совете Безопасности ООН. О тематике книги можно получить представление по названиям ее разделов: «Майдан и его образы в России», «Крым и “крымнашизм”», «Идея Майдана и идея Донбасса», «Патриотизм против права (исторические контексты)», «Феномен нелегальной войны и миротворцы», «Новый опыт Украины и Россия», «Российская государственная система. Власть и оппозиция», «Время и лица», «Ментальности альтернативной цивилизации». Размышляя над событиями и их преломлениями в элитарном и массовом сознании, автор описывает два разнонаправленных вектора постсоветской исторической эволюции в их соотнесенности с идеей права — украинский и российский. Формат «Фейсбука» предопределил полемический характер значительной части текстов.

УДК 32.001
ББК 66.052

ISBN 978-5-244-01131-9

© Мысль, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. Россия и Украина (2014–2017) 21

МАЙДАН И ЕГО ОБРАЗЫ В РОССИИ

2014 год 53

О Майдане и конституции. – О прагматизме Запада и прагматизме российских «западников». – О «титушках» и диктатуре. – Об интересах России в Украине. – О Майдане и паханате. – О Майдане и русских европейцах. – Расстрельный день. – Первый день без Януковича. – Украина просвещает. – Все ли дозволено «законно избранному»? – О «цивилизации права». – Об идеологах кремлевской альтернативы. – Следите за руками. – Как Барселону можно сделать Нью-Йорком. – О разнице между разгоном и побоем. – Доправовое сознание в дискуссии о законности и незаконии. – О Майдане и Гонконге. – О соглашениях от 21 февраля и его толкователях. – О государственном перевороте – в продолжение вчерашнего. – Об интерпретациях, растворяющих в себе интерпретируемое. – Путин об «антигосударственном вооруженном перевороте» в Украине. – Об официальном признании бегства Януковича.

2015 год 75

О скрываемых возражениях. – О Януковиче и Альенде. – О Януковиче «без Альенде». – О фактах и гипотезах. – О культурной подпочве альтернативной цивилизации. – О старом интервью г-на Добкина.

2016 год 80

О Майдане в этот день два года назад. – Об умилении и отвержении.

КРЫМ И «КРЫМНАШИЗМ»

2014 год 85

Совет Федерации разрешил Путину ввод российских войск в Украину. – Политика спонтанных геополитических реакций? – Об инерции «государства-армии». – О новой национальной идее. – О доправовом сознании интеллигенции. – Мир Силы против мира Экономике. – О «возвращении в историю» через Крым. – О Крыме и Традиции: после речи Путина. – О причинах и следствиях в истории. – Что символизирует присоединение Крыма? – О природе восторга. – О сакральном пространстве и профанном времени. – Если шанс был, то в чем он? – О замещении политики педагогикой. –

О сокрытии политической позиции. – О праве и патриотизме. – О смысле слов, или О диалоге как коллективном монологе. – Реинкарнация «сталинского человека»? – О личном вкладе президента в современную правовую мысль. – Путин о моральном превосходстве России. – О кеченской очереди, или О подмене времени пространством. – О недугах и раздражителях. – О речи Лаврова в ООН. – О крымской кузнице кадров. – Сила в правде или правда в силе? – Еще о дискурсе «правды».

2015 год. 104
О 2014-м. – Зорькин «ответил» на критику. – О геополитическом и бытовом.

2016 год. 106
О Крыме и заботе о людях. – О предстоящей оценке предстоящих выборов. – О новой терминологии ООН.

2017 год. 108
О принципе и прагматике. – О политическом человеколюбии.

ИДЕЯ МАЙДАНА И ИДЕЯ ДОНБАССА

2014 год. 113
О Париже и Вандее. – О праве Вандеи быть Вандеей. – Об имперскости и русскости. – О «моральном взгляде» на «скрытую имперскость». – О политических новаторах. – О Майдане и донецко-луганских референдумах. – О чеченцах на Донбассе. – О повстанцах и их вождях. – О народном суде Новороссии. – Еще о суде в Алчевске. – По законам военного времени?

ПАТРИОТИЗМ ПРОТИВ ПРАВА (ИСТОРИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ)

2014 год. 123
О затухающей цикличности. – О реставрации советскости. – О военно-патриотическом воспитании в цифрах. – О «возвращении к православию» и великодержавности. – О государственном дворе и казачестве. – О ветвях и корнях. – О либеральном почитании Ивана Третьего. – О ностальгии по иной истории. – Украинским друзьям и коллегам. – О томлении по новому глобальному проекту. – О первичной и вторичной интеллектуальной реакции. – О памяти и спеси. – О двойном страхе. – О Путине и историках. – Об истории и политике. – О не столь уже очевидной имперскости. – Об образах Украины и России в российском массовом сознании в 1992 году. – Об украинском и российском отношении к голодомору. – Об историческом беспамятстве. – Старая песня о главном. – О том, что

мне кажется главным. – О критичности неведения. – О точке в истории.

2015 год. 145

О лжи и государстве. – О поклонствах. – Об «огненных трактористах». – Об альтернативах «крымнашизму». – Об исчезнувшем времени. – О Тютчеве и «крымнашизме». – О разнице между «понять» и «попа понимать». – Об «изолганном бытии». – Об украинском антитоталитарном законе. – О предварительных итогах бурной дискуссии. – Об исторической и морально-политической оценке прошлого. – 1933–2015. – О «воинском стане» и «торжище». – О сосредоточенности на исторической памяти соседей. – О расколотой исторической памяти и демократии. – О былых думках. – О двух образах Сталина. – О Победе и о том, что было и есть потом. – О 45-м и 41-м. – О памятных датах и идентичности. – О коммунизме и постсоветском патриотизме. – О сегодняшней дате. – О красно-белом «синтезе». – О народном согласии на беззащитность. – О доминанте и компоненте российской истории. – О двух традициях. – В дополнение к вчерашнему. – Об украинской и русской высокой культуре. – Об обществе без государства и государстве без общества. – О двух ветвях политического евразийства. – Об ордынской проблеме. – О 1990-х. – О памятнике в Полтаве.

2016 год. 172

О легитимности (как бы историческая справка). – О русской политической мысли. – О Восточной Европе и Евросоюзе. – О человеке и государстве – 15 лет назад. – О ядре и периферии социального порядка. – О праве и справедливости. – О милитаризациях, демилитаризациях и праве. – О мысли и ее суррогатах. – Об изобретении забытого. – О воровстве правителей. – Еще о воровстве правителей. – О преждевременном и запоздалом. – О политических самообманах. – Еще о политических самообманах и их роли в истории. – О российской цикличности и надеждах на перемены. – О первых президентских выборах. – Об отзывчивости к утопиям. – О российском консерватизме. – О консерваторах из «Известий». – Еще о консерваторах из «Известий». – О методах полемики. – О юбилее ГКЧП. – Об отторгнутой рациональности. – О «заговоре Рохлина». – Еще о милитаризациях, демилитаризациях и праве. – О российской уникальности. – О «европейском столетии» в России. Ответ Александру Янову. – О том, как бывшее пытаются сделать бывшим. – Еще об интеллектуальном насилии над реальностью. – О правоте критиков. – О политическом и эстетическом. – О способе социализации. – О лечении войной (в дополнение к вчерашнему). – О продолжающемся Беловежье. – О мнении народном, или Еще о Беловежье. – О России и свободе.

2017 год.	227
<i>О старом безответном вопросе. – О политических инноваторах. – Об исторической работе империй. – Об исторических шансах. – Об отзыве на книгу. – О постоянном союзнике России. – О ВАД и ВАТ. – О письме Капицы Сталину. – Об инновациях и патриотическом чувстве. – О драме и оде. – О неизбежностях и случайностях. – О вопрошаниях прошлого. – О тайне истории. – О томлении по наследственному самодержавью. – О падении интереса к героическому в истории. – О неосултанизме и неосамодержавии. – Еще о Турции и России. – О злом гении. – О российских посланиях миру. – Об историческом фетишизме и историческом нигилизме. – О России и Западе в двух войнах и после. – О «западном» и «европейском». – О столетнем маршруте. – 1789 – 1917 – 2017. – Об органической консолидации. – О вариативности истории и «вынужденных ошибках» ее делателей. – О несостоявшемся конституционализме. – О трех тайнах. – Об объективности. – О советском и постсоветском. – Еще о советском и постсоветском. – О месте Путина в истории. – Еще о российской цикличности. – Еще о четвертом милитаризаторе. – О памятниках. – Еще о памятниках. – О неудобном юбилее. – О народных умонастроениях и шансах на перемены. – Еще об одном памятнике. – О злодействах и выживании. – О текущей исторической памяти.</i>	

ФЕНОМЕН НЕЛЕГАЛЬНОЙ ВОЙНЫ И МИРОТВОРЦЫ

2014 год.	267
1. Война	267
<i>О «дающих отпор». – О женевских договоренностях. – О проекте «Новороссия». – О принуждении к переговорам. – О чем и с кем переговоры? – Заинтересован ли Кремль в отделении Донбасса от Украины? – О встрече в Нормандии и снова о газете «Известия». – О признании начавшего войну. – О непрошенных советах соседям. – О российских танках на Донбассе. – О дискомфорте недоверия к информации. – О погроме посольства. – О лидерах сепаратистов. – О семидневном перемирии. – О письме трех президентов. – Путин о плане Порошенко. – О донецких «переговорах». – О предложении президента России лишить его права вводить войска в Украину. – Согласия в Совбезе как не было, так и нет. – Еще о донецких «переговорах». – О феномене нелегальной войны. – О тревожном неведении. – О возобновлении войны и поисках аналогов ей. – О берлинской декларации четырех министров. – О политических качелях. – Из Славянска в Донецк: резкая смена ситуации. – Где же контактная группа? – Еще о новой ситуации. – О воскресном вечере перед телевизором. – О Кургиняне в Донецке. –</i>	

Который раз на том же месте: Меркель и Олланд о контактной группе. – О нелегальной войне и морали. – Между войной нелегальной и легальной. – Новая фаза нелегальной войны: американские санкции. – Локальное зло предстало злом мировым. – Кто про что, а Меркель все о том же. – О заседании Совета Безопасности ООН. – Кремль не уступает. – Путин счел нужным обратиться к стране и миру. – Уроковой черты? – О «Боинге» и Крыме. – О речи Путина в Совете Безопасности России. – Что может быть кроме того, что было и есть? – Еще о речи Путина в Совбезе РФ. – Депутатов отзывают из отпусков? – Еще о советах и советчиках. – Фото в «Фейсбуке». – Второй фронт: Евросоюз вслед за США вводит новые санкции против России. – Без права на память. – Промежуточные итоги. – О символизации гуманизма и антигуманизма. – О том, что потом. – По лезвию бритвы. – Путин и Порошенко собираются в Минск. Зачем? – О правде власти и правде задержанных российских десантников. – О безрезультатной встрече президентов. – В Украину введены российские войска. Первые следствия. – Об обязывающем слове «вторжение». – НАТО определился? – О саммите Евросоюза и обороняющихся жителях Мариуполя. – Военный успех Москвы – путь к миру или?.. – О словах, действиях и результатах. – Теперь и Меркель... – О стратегии и тактике Кремля. – О чем могли договориться Путин и Порошенко? – Конец нелегальной войны? – Новые новости на ТВ.

2. Перемирие как война 321

Перед минскими переговорами о прекращении огня. – О вчерашнем перемирии. – О минском протоколе. – Что дальше? – Процесс пошел. Какой и куда? – Еще о минском протоколе. – О Гиркине. – Глава российского МИДа о главном пункте минского протокола. – О национальных интересах и субъектах мирового правопорядка. – О законе об особом статусе. – О новом легальном продукте нелегальной войны. – Приднестровский сценарий? – Об особом перемирии в особой войне. – О концептуализации исторического настоящего. – О войне вдвойне нелегальной. – О зверствах войны. – О российско-украинской границе. – О предстоящих выборах в ДНР. – Об основном приеме полемики с Западом. – О миланском «консенсусе». – Еще о границе. – Путин о суверенитете Украины. – О беспределе интерпретаций. – Еще о предстоящих выборах в ДНР и ЛНР. – О донецком аэропорте. – 2 ноября 2014-го, воскресенье. – После выборов в ДНР и ЛНР. – Что предпримут в Вашингтоне и Брюсселе? – «Не признаем, но уважаем». – Об утомленном Совбезе. – О заявлении Кравчука и Ющенко. – Об указе Порошенко. – Лавров из Минска зовет в Минск. – О визите Штайнмайера. – О новом откровении Гиркина. – Антикремлевский консенсус. – Все обещают прекращение огня. – О том, в чем разошлись и на чем сошлись в Базеле. –

И все-таки новая встреча в Минске? – О малопонятном. – Ясности не прибавляется. – О первых «капитулянтах». – О президенте как источнике информации. – Был участник-посредник, стал просто участником? – Переговоры о переговорах. – О зеркале. – Премьер создал комиссию. – О мелочах политической жизни. – Так что же собираются обсуждать сегодня в Минске? – Возможно ли устойчивое легальное перемирие в нелегальной войне? – Из Минска назад в Женеву? – 2014: дети играют в новую войну.

2015 год. 376

О непримиримости непримиримого. – Об аэропорте как камне преткновения и национальном символе. – О берлинской встрече. – О новой ситуации. – О двух составляющих нелегальной войны. – Первая реакция. – О дипломатическом абсурде. – О бессильном Совбезе. – О том, кто воюет в Украине. – О признании агрессии. – Кто же остановил движение к миру? – Рад буду быть посрамленным. – Окошко для компромисса? – О деградации минского формата. – О Дебальцево. – Об ультиматуме ДНР и ЛНР. – Меркель за переговоры. – О визите Меркель и Олланда в Москву. – Об аналитическом и политическом. – О «Минске-2». – О том, чего нет в новом соглашении. – Еще о Дебальцево. – О беззаконии и насилии в Украине. – О дебальцевском ударе по «Минску-2». – Путин оставляет места для иллюзий. – О тесте истории. – О Дебальцево после штурма. – Почему продолжают стрелять? – О киевском вызове Москве. – Кремлевские политологи о войне и мире на Донбассе. – О новом раунде минских переговоров. – Поговорили еще раз. – О наступлении под Марьинкой. – О запрете на уличение во лжи. – О телодвижениях без движения. – После долгой политической разлуки. – О местных выборах, объявленных в ДНР. – Спустя полгода после «Минска-2». – Опять стрельба, опять бои. – Ставка на разрушение образа? – О капкане. – О бесконечном тупике. – Об изменении Конституции и кровопролитии в Киеве. – После взрыва. – О новых встречах в Минске. – О заявлении Порошенко. – О берлинских переговорах. – О дилемме Порошенко. – О выборах 18 октября. – О новых ходах в донбасской политической игре. – О минском эпатаже. – О сирийском вопросе в контексте украинского. – О том, что не решили в Минске и будут решать в Париже. – О встрече в Париже. – Об отложенных донбасских выборах. – Об игре в выполнение невыполнимого. – О выборах и СМИ. – О всемогуществе Путина. – Еще о всемогуществе Путина. – Об очередной встрече четырех министров. – О тезисах кремлевского политолога. – О первичном и вторичном. – О вариативности сроков действия санкций. – Почему мне это интересно. – О чем говорят, когда говорить не о чем? – О речи Байдена в Раде. – Снова о Конституции и выборах. – О «Минске-2» предновогоднем. – Еще о «Минске-2»

предновогоднем. – О договоре и спецоперации. – И еще о «Минске-2» предновогоднем – заключительное.

2016 год. 457

О перспективах «Минска-2» в 2016-м. – О камуфлируемом базовом конфликте. – О годовщине «Минска-2». – О кризисе «Минска-2». – О советах украинцам российских интеллектуалов. – Об авторитарно ориентированном мышлении. – О сроках и безопасности донбасских выборов. – О Сирии и Донбассе. – Еще о выборах и безопасности. – И опять о выборах и безопасности. – Снова о минском беге на месте. – О том, что изменилось (и изменилось ли) после визита в Киев г-жи Нуланд. – О полицейской миссии ОБСЕ. – Еще о миссии ОБСЕ. – Об озабоченности г-на Сайдика. – Об экономике и геополитике. – О том, как Путин снял вопрос о донбасских выборах. – О попытках спасти «Минск-2». – О том, во что уже мало кто верит. – Об американских дебатах о «Минске-2». – О движении к недостижимой цели. – Об условиях мира. – О Надежде Савченко, идеализме и прагматизме. – Перед встречей в Пекине. – О главной проблеме. – О судьбе нормандского формата. – Об уступке Киева. – О том, почему «чуда ждать не стоит». – И снова о минском тихоходе. – О несогласуемой «дорожной карте». – Об итогах минского года. – О человеколюбии и войне.

2017 год. 509

Об инициативе г-на Курца. – Об Авдеевке. – Об Америке, России и Украине. – О высказывании германского посла. – О политике иррациональных жестов. – О ребячьей дипломатии. – О режиме искусственного дыхания. – О том, о чем молчит Трамп. – О деградации официальной прессы. – О заявлении саммита G-7. – О стыдливом признании политического банкротства. – О заблудившихся. – Об Украине и системных либералах. – О двух гамбургских днях. – О смене вех. – Об идее Малороссии. – Спустя три года после «Минска-1». – Еще о миротворцах ООН на Донбассе. – О разговоре Путина с Меркель. – Об американской позиции по миротворцам. – О донбасском фронте в 2017-м.

НОВЫЙ ОПЫТ УКРАИНЫ И РОССИЯ

2014 год. 543

Впереди историческая неделя. – О московском непризнании предстоящих выборов и киевской конституционной игре. – О президентских выборах. – О доблестной лжи. – Состоится ли прецедент? – О досрочных выборах в Верховную раду как индикаторе системных сдвигов. – Соглашение об ассоциации с Евросоюзом как итог и вызов. – О КГБ, ФСБ и СБУ. – О противостоянии интересов

и возможностей. – О невнимании к украинскому опыту. – Еще о невнимании к украинскому опыту. – О наблюдателе исторических событий. – О выборах в Раду. – О парламентско-президентской форме правления. – Часы пущены. – О трясине и бездне.

2015 год. 559

Украинским друзьям. – О постсоветском state capture и его последствиях. – О системе и кадрах. – О новом мэре города Глухова. – О деле библиотекаря. – Еще о системе и кадрах. – О профилактике против вируса украинства. – О двух безличных нормах. – О вербальной войне с грандами. – Об украинской коррупции и антикоррупционных институтах.

2016 год. 569

Об украинском политическом кризисе. – Еще об украинском политическом кризисе. – О логике реформирования постсоветской системы. – О вакансии генерального прокурора. – О постсоветской системе и Генеральной прокуратуре. – Об украинской судебной реформе. – О реформах и культуре. – О превращении постсоветского государства в правовое. – О принципах, процессах и результатах. – Об украинской системе обнародования доходов. – О движении от воровской власти к власти права. – Об украинском опыте и идеологах российской реформации. – Об украинских реформах. – О скользкой дорожке к праву. – О непредрешенном и непредрешаемом. – Об Украине и ЕС.

2017 год. 590

О казусе Насирова. – Об украинском суде. – Еще о постсоветской социальности. – О комфортных самообманах. – Об арестах налоговиков Януковича. – Об украинском новом рубеже. – О принципах и интересах. – Еще о принципах и интересах. – О конфликте украинских правоохранителей. – О двух векторах.

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ СИСТЕМА.

ВЛАСТЬ И ОППОЗИЦИЯ

2014 год. 615

О праве, политическом единстве и кризисе целеполаганий. – Изменился ли режим? – О гнили. – Перефразируя фон Клаузевица. – О мир-войне в прошлом и настоящем. – О гуманизме природы. – О правом и левом популизме. – О тупиковых исторических маршрутах. – Об альтернативных политических проектах. – О приговоре Володина. – Путин и Володин о демократии, или Еще раз об основном приеме полемики с Западом. – Об игре «права» против права. – О культурной несовместимости.

2015 год. 628

О Системе и бессистемности. – О составе питания. – О борьбе против борьбы с коррупцией. – О высокородных и худородных. – О нейтрализации ожиданий. – О выживании под маской развития. – Еще о «Прямой линии». – Об очередных обещаниях малому бизнесу. – С чего начинается право? – О трещине. – О сигналах из космоса. – О скандале в РГГУ. – Чьи же мы агенты? – Оштрафовали за неосведомленность о том, где спонсор хранит деньги. – О новой жизни. – Об изжитом и ненажитом. – О наивных вопросах. – О прокуратуре, законности и Крыме. – Об образе нового мирового порядка. – О московской суете. – О конституционном праве и арифметике. – О крымском способе защиты прав чиновников. – О надеждах на смену вождя. – О замалчиваемом и навязываемом. – О чести и бесчестии парламентариев. – О безмолвном народе. – О политической монополии и правовых процедурах. – О текущем и нетекущем моменте. – О традициях организации и самоорганизации. – О природе режима. – О встречах планах. – О «борьбе с коррупцией» в России и Украине. – О протиплении закону добром. – О позбших российских военных. – О модели Путина и модели Ходорковского. – О «диктатуре закона». – О «чистейшем мифе» Голиковой. – О возможном и невозможном.

2016 год. 667

О проблеме XXI века. – О приставке «пост-». – О самоорганизации как проблеме. – О дилемме президента. – Об экспертных советах властям. – Об исчерпанной модели. – О «ключевом факторе суверенитета и безопасности». – О монопольной власти – всеильной и бессильной. – О замыслах, обреченных на невоплощение, или Еще раз об инновациях. – О трех переломах. – О заявлении бизнес-омбудсмена. – Об эволюции «диктатуры закона». – О политической трясине. – О преждевременном и запоздалом. – О новых соблазнах «диктатуры закона». – Об оценках и выводах Венецианской комиссии. – О персонализме и конституционной реформе. – О великодержавии. – О «ценностной революции». – О Национальной гвардии Путина. – О Ролдугине и его друге. – Еще о Национальной гвардии. – О неопознанном объекте. – Еще о неопознанном объекте. – Об искусительнице ума. – Об оптимизме социологов. – О надеждах на Трампа. – О формулах правления. – О силе денег и силе статусов. – Об отношении к успехам и неудачам бывших «салагерников». – О том, кто платит за отсутствие демократии. – О политическом мичуринстве. – О том, что будет, если отменяют санкции. – О диагнозе профессора Грэхема. – О двух референдумах. – О законе Яровой. – Еще о «диктатуре закона». – Опять о том же. – О законе и свободе. – О том же в историческом контексте. – О государстве и начальствократии. – О лозунгах. – О сталинистской партии. – О государстве и обществе. – О логике и фактах. – О реакции на смену министра. – О культурной революции. – Об образе

страны и предвыборных обещаниях. – О наказании за интерпретацию истории. – О монополии и конкуренции в политике. – О степенях зла. – О прошедших выборах. – О партиях и интересах. – В продолжение темы. – О законе Платона. – О кризисе политической мысли. – Об архаике и модернизации. – О мировом фоне до и после американских выборов. – Еще о мировом фоне. – О вопросном времени. – О точках роста и очагах деградации. – О боязни утраты страха перед Западом. – О чиновниках и академниках. – Новая тенденция? – О завершающемся 2016-м.

2017 год. 738

О гибридном режиме. – О том, что не обсуждается. – О системной безъязыкости. – Еще о системной безъязыкости. – О системе антикачества. – О собственных желаниях губернаторов. – О вроде бы приостановке законотворческого порыва. – О естественном процессе смены кадров. – Об исторических миссиях. – О выборах и выбранных. – Еще о кризисе политической мысли. – О мысли, кризисам неподвластной. – О государственном конструировании. – О неповторимом признании советского генсека. – О ворюгах и кровопийцах. – Об «оттепелях». – О том, в чем ищут надежду. – О спросе и предложении в политике. – О президенте и Генпрокуратуре. – О сегодняшнем событии. – О вчерашнем событии. – Еще о 26 марта. – О томском уроке патриотизма. – О ценностях и квазиценностях. – О забастовке как традиции. – О конституциях и неправовых практиках. – О морали служения. – О том, что между подданством и гражданством. – Об имитациях источника власти. – О тварях дрожащих и право имеющих. – Об империи и федерации. – О «генетическом» оптимизме. – Об аномалиях как норме. – Еще об оптимизме. – О вождизме. – О беседе с Дмитрием Запольским. – Еще о вождизме. – О «цифровой экономике». – О мыслеплясках на похоронах. – О плохой погоде. – О деятелях и мыслителях. – О политических соблазнах меньшинства. – Об очередной «Прямой линии». – О «народном» президенте сегодня и завтра. – О том, почему не может быть развития. – О надоевшей критике и тоске по позитиву. – О запросе окол властных элитариев. – О предстоящих дебатах Навального и Стрелкова-Гиркина. – О самонадеянности. – О новых американских санкциях и российских пропагандистах. – Об РФ и КНДР. – О телевизионном «очернительстве». – О культурной политике РФ. – Еще о культурной политике РФ. – Об избирательном правоприменении и равенстве перед законом. – О президенте Обломове и президенте Штольце. – О пассионарности и мировом лидерстве. – О старом и новом политическом вранье. – О подпольщиках во власти и в оппозиции. – О бесшумных выборах. – О прошедших и будущих голосованиях. – О грустном. – Еще о грустном. – О тюремных мечтаниях. – О способах легитимации. – О новом кандидате

в президенты. – О критерии научности. – Об убиенном университете. – Еще о Навальном. – О новой волне губернаторских отставок. – О пролонгации исторически исчерпанного. – О том, почему в России не состоялась либеральная альтернатива. – Еще о нашумевшей диссертации. – О победе государства над историей. – О праве голоса. – О когнитивном диссонансе, которому вряд ли суждено быть замеченным. – Об ожиданиях. – О преходящем и непреходящем. – О г-не Сечине и российском суде. – О кандидатах в президенты. – Об исторической утрате. – О правителе РФ тем, кто мечтает стать правителем. – Об условиях перемены.

ВРЕМЯ И ЛИЦА

2014 год. 821

О дискурсе начальства. – Похвальное слово Александру Дугину. – О Михаиле Ходорковском и форуме «Открытой России». – Владимир Пастухов о Путине и либералах. – Об Андрее Кончаловском. – О дилемме Ходорковского. – О Путине и Хрущеве. – О Путине, Берништейне и Бронштейне. – О Сергее Лаврове и заковыченных пионерах. – Путин о стране права и добра. – О Путине и Сталине.

2015 год. 835

О казусе Игоря Шувалова. – О Лаврове и стиле «Чуркин». – Альфред Кох о 1990-х. – О Лаврове и Священном союзе. – О Борисе Немцове и политических масштабах. – Еще о Немцове. – Путин об «избавлении России от позора». – Всеволод Чаплин о гуманизме и антигуманизме. – Владимир Кантор о «сумасшествии» оппонентов. – О Валентине Матвиенко и «Силиконовой долине» в Крыму. – О Глебе Павловском и самообманах президентских советников. – О феномене Евгения Евтушенко. – Об отождании Путина к папе. – О манифесте Ходорковского. – О Владимире Ядове. – О как бы консолидирующем образе Евгения Примакова. – О Екатерине Генцевой и системной коммуникации. – Об Олеге Табакове. – Еще о Табакове. – Историк Алексей Миллер о двухсторонней российско-украинской вине. – Об антиглобалисте Сергее Глазьеве. – О Юрии Афанасьеве. – О Валентине Гафте. – О статье Дмитрия Медведева. – О богоносном «мы» Дугина. – В дополнение к вчерашнему. – О Путине и воронке импровизаций. – О бывшем «крымнашизме» Альфреда Коха. – О Владимире Мао, интеллигенции и цинизме. – Павловский об идентичности «поехавшей крыши». – О Путине и «высших силах». – Патриарх Кирилл о «нравственном государстве» и «солидарном обществе». – О президентском послании. – О пресс-конференции президента.

2016 год. 862

О Путине и Наполеоне. – Еще о Путине и Наполеоне. – Андрей Тесля о подлинно либеральной политической позиции. – О методе Быкова. –

Еще о методе Быкова. – Об инициативе президента. – О человеке из Истории. – О Лаврове и новом кратком курсе российской истории. – Вячеслав Игзунов о народном самоуважении. – Владислав Иноземцев о «НовоРоссии» и исторической памяти украинцев и русских. – Еще о Ходорковском, или О «крымнашизме» и правовом государстве. – О Путине и народном самочувствии. – О Путине как чекисте и политике. – Об извинениях Дмитрия Пескова. – Об обещании Марии Захаровой. – Вадим Пымбургский о «народной контрреформации». – Александр Аузан об идее «смены системы». – О Зорькине и верховенстве права над правдой. – Еще о Путине и гуманизме. – Об ответе Эллы Памфиловой Алексею Навальному. – О телефонных переговорах Глазьева и проекте «Новороссия». – Дугин о всеобщей военизации. – Путин о «высоких моральных идеалах». – Еще о «высоких моральных идеалах». – Алексей Миллер о понимании и обвинении. – Алексей Кудрин о «парламенте развития». – О Мединском и панфиловцах. – Путин о силе и великодержавии. – Еще о Мединском. – Патриарх Кирилл о параллельной цивилизации. – Василий Гатов о разумном цинизме. – Путин об альтернативном глобализме. – О президентском послании. – Философ Борис Капустин об административной машине и патриотизме частных лиц. – О том, что узнал от президента. – О публичном экономисте Хазине и фашизоидности.

2017 год. 894

Об Александре Баунове и лекарстве от безнадежности. – О Мэрил Стрип и утрате лицемерия. – О речи Трампа. – Путин о неизбежном когда-нибудь будущем. – Путин об основах и корнях. – Памяти дипломата Виталия Чуркина. – О Путине как заложнике политической биографии. – Об академике Пивоварове. – О риторике Трампа. – О политике Трампа. – Еще о политике Трампа. – Путин о царе и народе. – О Федоре Лукьянове и точке отсчета новой эпохи. – Александр Морозов о верхних 20 тысячах. – Зорькин о «праве сопротивляться гнету». – Путин о любви к Отечеству и жертвах Катыни. – Путин о долготерпении украинцев и россиян. – О кремлевском историке. – Еще о кремлевском историке, или Об имитации эрудиции. – Рамзан Кадыров о государстве, какого нигде больше нет. – Путин о выборах и трудовых мотивациях начальства. – Патриарх Кирилл о свободе – равенстве – братстве. – Об эзоповом языке власти. – О статье Суркова. – О Григории Явлинском и об авторитарной инерции.

МЕНТАЛЬНОСТИ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

2014 год. 919

О морали войны. – О народном военном патриотизме. – Еще о народном патриотизме. – О презумпции этической невинности. – О назначенном враге. – О любви к Родине как абсолютному критерию

истинности суждений. – О гибкой генеральной линии и ее служителях. – О герменевтиках из «Известий». – О текстах и подтекстах. – Двойное отражение. – О новой линии раскола. – О спасении греховностью Другого. – О всеблагих и всеведущих. – О самовозвышении над политическим контекстом. – О некоторых оттенках украинофобии. – О здешнем мироощущении. – О двух патриотизмах. – О новом политическом мышлении, или стирании границ между «вовне» и «внутри». – О войнах под престолом. – О третьей позиции. – О том, «ради чего» все позволено. – Еще о лжи. – О ностальгии по недавнему. – О томлении по новому глобальному проекту. – Об игре с нулевой суммой. – О двух разновидностях «объективизма». – О яме в культуре. – Об Ирине Алферовой и ее любви к Путину. – О политическом сознании. – О критике как еще об одном способе сокрытия позиции. – О политических эмоциях. – О культуре Министерства культуры. – О постсоветском человеке и украинце. – О неразличении лжи и не лжи. – О встрече президента с правозащитниками. – О Гоголе. – Еще о Гоголе. – Дугин, Макаревич и другие: о новых теледиалогах. – Еще о двух культурах. – О НАШИХ правилах. – О нашей главной традиционной ценности. – О безгосударственном народе. – О ядерной истерике. – О пионерах и старшем вожатом. – О внутренней свободе порфукски.

2015 год. 945

О гордости мухлежом. – Еще о «правде-силе». – О пороке и добродетели. – Об оттенках имперского патриотизма. – Еще о патриотизме. – Об инструментальном народопоклонстве. – В поисках вождя. – О текущей ситуации. – О кладбище прогнозов. – Один пишем – два в уме. – О цивилизации подпочвы. – О внутренней истории. – О войне «фашистов» с «фашистами». – О безнадежном. – О старом опросе. – О «примподлах». – Еще о «примподлах». – О толерантности без берегов. – О следах сталинизма в антисталинистском сознании. – О вине и компромиссе. – О «военной культуре» и мирной повседневности. – О милитаризации в эпоху имитаций. – О цивилизации великих народных починов. – О «свадьбе тысячелетия» и традиционных ценностях. – Об альтернативной цивилизации и хоккее. – Об умолчаниях. – О скандальном обществе. – О томлении по лидерству. – Отец и сын: диалог об измерении духовности. – О приговоре американской учительнице и здешних о нем разговорах. – О культуре избирательной всемирной отзывчивости. – О цивилизации правды. – Дерзайте, господа. – Об импортозамещающем сыре. – О реабилитации лжи. – О безмерном сознании. – Об ожиданиях конца света. – Об официальном списке российских ценностей. – О программе очищения альтернативной цивилизации. – О смехе. – О рейтинге Путина. – Об амбициях и комплексах «старшего брата». – О вмененной вине. – Об армейском и неармейском порядке. – О лексической солидарности. – О государственном резоне и антирезоне. – О политическом

и этическом. – О неизживаемом. – Об Алексеевич и сверхдержаве. – О державном самоощущении. – О предоощущении войны. – О законе и приказе. – О двух достоинствах. – О «едином народе» и коррупции. – Еще о «едином народе». – О России, Украине и Чаадаеве. – Об офицерском староязе. – О возмущении теми, кто не возмущается. – О советском человеке постсоветского времени. – О страхах и надеждах. – О русском мире.

2016 год. 984

О социологическом опросе почти новаторском. – О диалоге и монологе. – О восьми бутылках водки. – Об обществе батыев. – О «невиданной политической инновации». – О временах у Августина. – О российских украинофилах. – О терпении и нетерпении. – О предмете гордости. – О незадаваемых простых вопросах. – Об отношении к павшим и выжившим. – Россия устрашает. – О психоглушилках. – О спросе на идеологию. – О смыслах, мотивациях и морали. – О северокорейских бомбах и ракетах. – О самообнажении реальности. – О либералах и верховенстве права. – О суде уголовном и суде истории. – О высоком умолчании. – О всеобщем раздражении. – О двуликой архаике. – О надежде и безнадежности. – О праве жить, как может и хочется. – О новых веяниях. – О славе политолога. – О холодной гражданской войне. – О стыдливом властепоклонстве. – Об исторических маршрутах «государства-армии». – О мнении народном насчет виновности Путина в злоупотреблениях властью. – О «либерал-ватничестве». – Об образах России и Украины. – О будущих историках. – О Дне Победы и сверхценности силы. – О памяти и идее. – О пользе и вреде отечеству. – О выражении патриотических чувств. – О символической дани. – О новых советах украинцам. – О притерпелости к дурному. – О рублевских скрепах. – О том, что есть должное. – О патриотическом реализме. – Об отношении к начальникам. – О незнающем понимании. – Об «авось пронесет». – Об имперской идентичности и Сталине. – О климате. – О редком типе. – О Путине и Эрдогане. – О том, что не задушишь, не убьешь. – О любви к России. – О политическом стиле. – О политическом креативе креативного класса. – О критическом лоялизме. – О предметах патриотической гордости. – О восприятии соцопросов. – Об отравлениях попугаев. – О новом культурном феномене. – О мире и войне. – Об образе желаемого порядка. – Об избирателях Трампа и избирателях Путина. – О задержании Улюкаева. – О чувстве собственного достоинства. – О служении и карьере. – О газовой гордости. – О войне эмоций. – О самопрезентации самоуважения.

2017 год. 1032

О цифрах и смыслах. – Об условных рефлексах. – О политическом самозванстве. – В дополнение к предыдущему, или О «единственном верных учениях». – Об образах нормального и аномального. –

О патриотическом объективизме. – О двух убеждениях. – Об экзистенциальном. – Об экспертном фетишизме. – О примирении добра со злом. – О том, как говорят. – О моральном сознании. – О судьях в США и РФ. – О пропагандистах по неведению. – Об истине и войне. – О ведущем и ведомых. – О свободе слова в «Фейсбуке». – Об обреченных «только верить». – Еще об обреченных «только верить». – О России и Камбодже. – О разумном и спонтанном. – Об уместной и неуместной критике. – О «постправде». – О шарлатанстве. – Еще о «постправде». – О твердокаменных. – О крымской годовщине. – И еще о рациональности и «правде». – Об альтернативном стиле. – Об интересе к волеизъявлениям других народов. – О полярных скрепах. – Об олигархическом видении русского народа. – О мальчике и песне. – О словах и смыслах. – Еще о словах и смыслах. – Оппонентам к размышлению. – О массовой субъектности. – О новейшей исторической общности. – О восприятии политических понятий. – О том, что можем предложить миру. – О скрытых сущностях скрытых явлений. – О примере мимикрии для учебников. – О моральном яде. – О табуированных публичных суждениях. – О высоком и низком. – О морально-репрессивном сознании. – О «болотных» вопросах. – Об ожиданиях и воплощениях. – О Поклонской и Морозовой. – О запросе на госидеологию. – О новом образе последнего царя. – О санкциях и суверенитете. – О томлении духа. – О реакциях на день рождения. – О доверчивости и подозрительности. – О подвижных ценностях. – Об истории и сенаторах. – Об общественных феноменах и персонах. – О фейсбучной завалинке. – О внутренней свободе по-русски. – Об обличенном в греховности слове. – О сверхценности генеральной линии. – О «так» и «иначе».

Вчера не догонишь, а от завтра не уйдешь.

Пословицы русского народа.

Сборник В. Даля

ПРЕДИСЛОВИЕ

РОССИЯ И УКРАИНА (2014–2017)

Более 30 лет назад, в конце 1987 года, я опубликовал статью «Какая улица ведет к храму?», вызвавшую долгую и жесткую дискуссию¹. Тогда страна в очередной раз вознамерилась эту улицу отыскать, и в очередной раз безуспешно: то ли плохо искала, то ли ее нельзя было найти по причине ее отсутствия. Советский Союз заблудился в истории и распался, а потом заблудилась и отщепившаяся от него Россия. И настолько с этим примирилась, как с роком, что никому уже и в голову не приходило вопрошать себя и других о каких-то улицах, которые куда-то ведут или не ведут, и о них дискутировать.

Так было до осени 2013 года, до революционных событий в Украине. События эти показались мне столь значительными, что в начале 2014-го я начал писать о них заметки в «Фейсбуке», своего рода публичный дневник. Соседняя страна, в послевоенские десятилетия тоже в своих поисках не преуспевшая, предприняла новую попытку прорыва в иное, чем было до того, историческое состояние. Попытку войти в европейскую цивилизацию и в ней обосноваться, предварительно отыскав дорогу, которая к ней ведет, либо проложив ее заново.

Храмом украинцев стал Майдан, куда они принесли свой идеализм, свое лучшее, свои жизни, десятки которых там оборвались, а оставшиеся в живых назвали погибших, подчеркивая высоту и чистоту их стремлений, Небесной сотней. Но очень быстро стало проясняться, что из храма революции после ее победы предстоит двигаться по дороге к *праву*, и ее еще тоже предстоит найти, а потом с нее не сходить, сколь бы ухабистой она ни была. Дабы попытка прорыва к желаемой цели не захлебнулась, не увязла в инерции привычного порядка вещей.

---

¹ См.: Клямкин И. Какая улица ведет к храму? // Новый мир. 1987. № 11. Ссылки на информационные источники о событиях и мнениях, упоминаемых в предисловии, приводятся в основном тексте книги.

Украинцы на эту дорогу вышли, но пока ее не прошли, а вопрос о том, пройдут ли, не свернут ли, останется открытым до тех пор, пока не пройдут или не свернут. А я, всматриваясь издали в их движение и желая им успеха, испытывал одновременно и ощущение наблюдателя переломных исторических событий, пытающегося понять их ход и смысл до того, как они завершились. Событий, в которых противостоят друг другу наличное бытие и бытие потенциальное, представленные интересами, историческими возможностями и волей разных субъектов. И если интересы поддаются пониманию, то возможности и волевые ресурсы выявляются только по мере развертывания самих событий. Что в такой ситуации доступно постичь наблюдателю, а что для его мысли недостижимо — интересный вопрос, и я был всерьез увлечен сопоставлением своих оценок и прогнозов с тем, что потом происходило. Особенно в случаях, когда ошибался. Хотелось понять природу ошибок — в сботах ли она мышления или в принципиальной недостижимости будущих действий противоборствующих сторон и их, действий этих, результатов.

Переломная эпоха в Украине длится уже несколько лет, но я и сейчас, когда пишу этот текст, не уверен, что кому-то уже дано постичь ее исторический смысл и, соответственно, обоснованно предсказать, чем и как она завершится. Даже если предположить возможность мышления, от сбоев застрахованного. Потому что в его распоряжении только прошлый опыт и теоретические схемы, этот опыт обобщающие. Но так ли уж много могут дать они для понимания хода и прогнозирования исхода такого нового и оригинального исторического процесса, как украинская революция?

Но, как бы она ни завершилось, ее успехи и неудачи важны не только для Украины. Они важны для всех стран постсоветского пространства, включая Россию, для которой цивилизационный поворот Украины стал серьезным вызовом. Вот почему происходящее в ней интересовало меня не только само по себе, но и в его российском восприятии. И властями, и людьми самых разных идеологических и политических предпочтений. Вот почему у меня много текстов непосредственно о России. О природе и исторических истоках ее постсоветской государственности. Об особенностях российской власти и оппозиции.

О ментальном своеобразии российского общества, проявляющемся в мышлении и поведении как среднестатистического россиянина, так и отдельных политиков и интеллектуалов.

Украинский вызов и российская реакция на него проявили все это значительно рельефнее, чем это проявлялось раньше. Никогда еще в постсоветские годы Россия не демонстрировала столь откровенно, что европейский цивилизационный вектор эволюции, он же вектор правовой, ей чужд, а потому неприемлем для нее и выбор этого вектора Украиной. И предьявила в ответ вектор собственный вместе с готовностью отстаивать свою цивилизационную особость ценой международной изоляции и резкого торможения развития.

Об этом цивилизационном размежевании, на наших глазах происходившем, я и писал последние четыре года. Теперь же, по советам друзей и коллег, собрал свои тексты, тематически их структурировав, в книгу. А чтобы их восприятие было более целостным (они всё же писались, как правило, по событийным поводам и нередко вне связи друг с другом), предворяю книгу краткой презентацией основного содержания ее разделов.

Майдан и его образы в России

Начинается книга с заметок о Майдане, а точнее, не столько о нем самом (о нем предпочитал читать и слушать других, более осведомленных), сколько о том, как он воспринимался в России. Бросалось в глаза, что украинские события выявляют в российском общественном сознании нечто ранее скрытое, обнажая новую линию размежевания, все прочие линии превращая в малосущественные. То было столкновение двух политических идей — имперского патриотизма, объединившего широкую публику, от империалистов до некоторых групп либералов, и антиимперской идеи гражданской нации, консолидировавшей украинский Майдан и относительно небольшую часть российского общества, с Майданом солидарную.

Однако суть конфликта смазывалась поначалу тем, что имперский патриотизм выступал под знаменами законности и права. Нельзя, мол, не считаться с тем, что Виктор Янукович — законно избранный президент, а потому и смещен может быть только на выборах. Этот вопрос и оказался в центре полемики,

которую я вел с откровенными либо стыдливими приверженцами имперского патриотизма и во время Майдана, и после него. Потому что он, вопрос этот, из публичного пространства долго не исчезал, к нему постоянно возвращались и высшие должностные лица России, включая главу государства. Суть его в том, *каковы права общества в отношении демократически избранной законной власти, если она сама, при попустительстве зависимых от нее правовых институтов, попирает закон*. Есть ли они, эти права, и если есть, то какими способами их допустимо отстаивать?

Неоднократно убеждался в том, что для сторонников имперского патриотизма не существует самих таких вопросов. Их не существует для первых лиц государства, их не ставят перед собой и имперские патриоты других статусов и общественных уровней. Посмотрите под этим углом зрения мои многочисленные тексты, адресованные идеологам и пропагандистам идеи альтернативной (Западу) цивилизации из газеты «Известия», и вы, смею надеяться, убедитесь в этом тоже.

Из раза в раз я пытался привлечь их внимание к противоправной карательной акции украинских силовиков 30 ноября 2013 года против находившихся на майдане студентов, ответом на которую и стал Майдан революционный. Равно как и к репрессивным противозаконным законам, принятым 16 января 2014 года в обход всех парламентских процедур и вызвавших переход революции в радикальную фазу. Доказать своим оппонентам я ничего не смог, но в этих спорах обнаружились специфические особенности сознания и мышления идеологов имперского патриотизма. Сознания и мышления по своей природе доправового, но вынужденного апеллировать к правовым нормам для обоснования привилегии «законно избранной» власти, если ее действия вписываются в логику такого патриотизма, на беззаконие. Привилегии, для общества неприкасаемой.

Полемические приемы, которые оппонентами для этого использовались, сами по себе любопытны, и я их обстоятельно, как мне казалось, рассматривал. Но они, как правило, не новы: в России они были в ходу задолго до того, как законность власти стала производной от выборной процедуры. В книге можно найти заметки, которые об этом свидетельствуют.

Наделение «законно избранной» власти монопольным правом на беззаконие — базовый принцип всех имперских патриот-

тов, они твердо следовали ему и в оценке других событий украинской революции. Скажем, решение украинского парламента, признавшего Виктора Януковича «самоосвободившимся от исполнения конституционных полномочий» и назначившего досрочные выборы президента, они называли и называют «вооруженным государственным переворотом», поправшим подписанное им и лидерами парламентской оппозиции соглашение от 21 февраля 2014 года. Но ведь есть факт настолько неопровержимый, что порой даже главе российского МИДа Сергею Лаврову в общении с иностранными дипломатами было трудно с ним не считаться. А именно факт тайного бегства Януковича из Киева с сопутствовавшим прекращением исполнения им президентских обязанностей, что было грубым нарушением украинского законодательства, обрушившим систему исполнительной власти в стране. Но в логике имперского патриотизма беззаконие «законно избранного» беззаконием не считается. А как, посредством каких приемов — как древних, так и новаторских — оно подводится под законность, я тоже попытался показать.

Крым и «крымнашизм»

А вот спорить с имперскими патриотами о правовой оценке аннексии Крыма не было нужды по причине того, что они и сами предпочитали такой оценки избегать. Не решалось большинство из них поддерживать и официальную позицию Кремля, согласно которой присоединение Крыма было осуществлено в строгом соответствии с принципами и нормами международного права. В данном случае их доправовое сознание предстало очищенным от иноприродных для него апелляций к законности. Из официального кремлевского словаря оно заимствовало не юридическую, а исключительно морально-патриотическую лексику. Заимствовало ссылки на «историческую справедливость возвращения Крыма», на священную обязанность защищать русское население полуострова от «фашистской киевской хунты», на необходимость противостоять геополитической и цивилизационной экспансии Запада, не желающего считаться с интересами России.

В этом же ряду апелляции к несправедливости и неравенству в сложившемся мировом порядке, когда Запад позволяет

себе то, что не позволяет другим. К тому, что международное право было нарушено США и их союзниками в Ираке, как и признанием суверенитета Косово. И эти апелляции были бы уместны, будь указаны примеры незаконного присоединения после Второй мировой войны одними государствами территорий других в мирное время без их, этих других, на то согласия. Но таковые указаны не были. Поэтому и приходилось ссылаться не на право, а на моральную правоту, не поясняя, почему она признается за Россией, а за Украиной не признается.

Мне попался на глаза только один текст, в котором суть описываемой позиции была выражена откровенно и внятно — «патриотизм выше права». Ее, суть эту, объединившую идеологических адептов альтернативной цивилизации с массовым «крымнашизмом», не без их содействия возникшим, я и комментировал. Комментировал как особый социокультурный феномен, из которого произросли надежды на «обретение национальной идеи», «возвращение России в мировую историю» и некоторые другие, не менее вдохновенные и вдохновляющие.

Рассматривается в книге и отношение к крымскому вопросу политиков и интеллектуалов, причисляющих себя к либералам. Они, разумеется, не могли солидаризироваться с имперским патриотизмом ни в моральной его версии, ни в «правовой», отсылающей к крымскому референдуму, присоединение полуострова якобы узаконившему. Потому что сам этот референдум мировым сообществом был сочтен незаконным. Потому что на Генассамблее ООН его результаты признали 11 стран, включая Россию, при 100 непризнавших. Потому что впоследствии та же Генассамблея объявила Крым «временно оккупированным». Потому что сходных оценок придерживались крупнейшие международные организации. Однако российской либеральной оппозиции приходилось считаться не только с этим.

Претендуя на политическую роль, она не могла не считаться и с народным «крымнашизмом», будучи вынужденной так или иначе к нему прислоняться. Поэтому одни объявили крымский вопрос в обозримом будущем неразрешимым и из своей политической повестки его изъяли, а другие отказались считать его простым и предложили считать сложным, требующим для решения механизмов, которые еще только предстоит

создать международному сообществу. Принцип права столкнулся в политическом сознании с принципом реальности.

Идея Майдана и идея Донбасса

Последовавшие за присоединением Крыма события на Донбассе — образование там при поддержке России Донецкой и Луганской народных республик (ДНР и ЛНР) и их война с Украиной, тоже поддерживаемая Москвой, — приветствовались российской имперско-патриотической общественностью не менее восторженно, чем крымская операция. Критику же со стороны общественности украинской, мировой и небольшой части российской, в законности этих действий усомнившейся, имперские патриоты парировали указанием на незаконность Майдана и смещения Януковича. Если, говорили они, вы поддерживаете Майдан, считая его народным восстанием против несправедливой власти, то должны поддерживать и восставший против власти народ Донбасса. Это же, говорили они, одна и та же идея, а потому солидаризироваться с ней в одном случае и отмежевываться от нее в другом — значит руководствоваться двойными стандартами.

Мне приходилось на такую аргументацию реагировать, и я напоминал оппонентам, что против власти восставал и революционный Париж, и контрреволюционная Вандея, но на этом основании никто еще не утверждал, что они руководствовались одной и той же идеей. То же самое с Майданом и Донбассом. Идея Майдана — это идея завершающего прорыва из имперской истории в национальную украинскую. А смысл донбасской активности, независимо от его осознания отдельными людьми, не национальный, а имперский. Она, активность эта, не смогла бы проявиться, если бы не российская в ней заинтересованность, если бы не желание Москвы получить в лице ДНР и ЛНР, ей подконтрольных и ею опекаемых, канал влияния на политику Украины. И если уж говорить об идее Донбасса и идее Майдана, то их отождествление желательно бы предварить указанием на тождественность социальных порядков, этими идеями предполагаемых. Но таких указаний мне от оппонентов из рядов имперско-патриотической общественности услышать не довелось.

Пафос Майдана — утверждение в Украине правовой государственности вместо утвердившейся в стране государственности олигархо-бюрократической. Пафос Донбасса тоже был антиолигархическим. Однако сразу бросались в глаза и различия. В Киеве имелось в виду выстраивание правовых институтов европейского типа, а в Донецке и Луганске ориентировались на утверждение «народовластия», отдаленно напоминавшего лозунги большевиков в начальный период их властвования, которые сочленялись с идеями возрождения традиционных ценностей и практик.

Я писал о том, как это выглядело в жизни. О том, как публично секут плетью мародеров. О том, как в чем-то провинившихся прогоняют через строй вооруженных палками боевиков. Писал и о народном суде в городе Алчевске, где собранные в Доме культуры несколько сот человек выносят смертный приговор за изнасилование посредством голосования. И еще о том, как реагировали на эти мои писания идеологи и пропагандисты альтернативной цивилизации и они же имперские патриоты. Суд в Алчевске они безоговорочно одобрили, увидев в нем борьбу с преступностью по законам военного времени. Однако никаких законов военного времени на Донбассе не было, а разницей между судом по таким законам и незаконным «судом» при отсутствии таковых оппоненты сочли целесообразным пренебречь.

Такова особенность имперско-патриотического сознания. В нем понятие о праве подменено понятием об абсолютной правоте имперского патриотизма безотносительно к праву. Наверное, ею наделяются и бенефициары системы, произросшей на не контролируемой Киевом части Донбасса из первоначального «народовластия» по образу и подобию системы российской. И такое мироощущение появилось не сегодня и не вчера, оно уходит корнями в давнюю традицию, которой в книге отведен отдельный большой раздел.

Патриотизм против права (исторические контексты)

Речь о традиции, отводящей праву подсобную, инструментальную роль в обслуживании державно-имперской государствен-

ности, главная ставка которой не на право, а на силу. Традиции, воспроизводящей, в свою очередь, три системообразующие институциональные константы. Константы эти *царь* (или правитель с царскими полномочиями), *армия* и *тюрьма*. Разумеется, в самом их наличии ничего уникального нет, но не везде они призваны принудительно обеспечивать неправовой социальный порядок и его защиту от угроз изнутри и извне при удержании общества в лишенном субъектности, объектном состоянии. И уж совсем нигде не использовалось сочленение этих констант с таким, как в России, способом развития (прежде всего военно-технологического) и производным от него социальным порядком.

В заметках, размещенных в книге, я часто возвращался к своей давней мысли о том, что таким способом служили милитаризации жизненного уклада населения, при которых управление государством и обществом осуществляется по типу управления армией. И что милитаризации эти циклически чередовались с вынужденными демилитаризациями, когда огосударствленные частные и групповые интересы разгосударствлялись, когда обязанности государственного служения соединялись с дозированной легализацией прав и свобод. Однако и в такие времена названные базовые константы милитаристской матрицы государства-армии, которым соответствуют ничем не ограниченная власть верховного правителя, подчиненная ему военная машина и репрессивный способ управления социумом, с правом принципиально несовместимые, охранялись и сохранялись. Все другие институты и организации могут меняться и меняются; могут походить на азиатские или европейские; могут прирастать новыми, вроде земского самоуправления или Государственной думы, но они всегда *при* верховном правителе и его военно-полицейской машине и никогда *над* ними, никогда их деятельность по своей воле не определяют и не регулируют. Так было и так есть.

Эти особенности альтернативной цивилизации, сохраняющей себя благодаря верховенству силы над правом, и воспроизводятся в сознании и мышлении имперских патриотов. Отщепление от России Украины они не без оснований восприняли как стратегический вызов российской альтернативности, что и проявилось в отстаивании абсолютной правоты «зеленых

человечков» в Крыму и донбасских боевиков безотносительно к каким-либо правовым нормам. Как проявилось во многом другом, о чем в книге тоже немало страниц.

Не мог не вызвать резкого отторжения имперско-патриотическим сознанием и предпринятый в Украине пересмотр советской версии истории, включая историю Второй мировой войны. Превращение Дня Победы в День памяти не только о тех, кто воевал на стороне Советской армии, но и о тех, кто воевал за государственную независимость Украины и против нацистов, и против Советской армии, воспринималось и воспринимается как кощунство. Законодательное приравнение одних к другим — тоже. Законодательное приравнение тоталитарной советской символики к тоталитарной нацистской с запретом на использование той и другой — тоже. Потому что историческая память имперского патриота не может не быть альтернативной памяти национальной, не может не противиться праву на нее, подрывающему принцип верховенства силы. Праву народов, от империи отщепляющихся, выстраивать собственную государственность с собственным образом прошлого, включая и периоды пребывания в империи.

Не может память имперского патриота примириться и с мыслью о вине государства за незаконное насилие, чинимое над собственным населением, что дает о себе знать в отношении к украинскому официальному увековечиванию памяти о жертвах голодомора, о чем я тоже в своих заметках неоднократно писал. Неприятие такого увековечивания мотивируется тем, что голодомор был не только в Украине, но и в России, а потому... потому не надо устраивать официальных поминовений нигде. В унаследованной от государства-армии установке, легитимирующей произвол власти во имя патриотической консолидации социума, нет места для вины власти, даже бывшей, перед населением, признание такой вины в ней табуировано.

Не позволяет имперский патриотизм сомневаться и в преимуществах имперского народа над народами подимперскими не только в силе, но и в культуре, неправовой диктат силы легитимирующей. В последние годы не раз звучали публичные речи о всегдашнем превосходстве русской высокой культуры над украинской вкупе с другими унижающими украинцев

оценочными высказываниями. А в ходе дискуссий на эти темы я мог убедиться в том, что ничего, кроме спеси незнания и нежелания «старшего брата» знать что-то о братьях, считающихся почему-то «младшими», у него обнаружить, как правило, невозможно. Незнания и нежелания знать о том, что ко времени присоединения Украины к России первая в культурном отношении вторую намного опережала. Что вторая долгое время находилась у первой в ученичестве, а не наоборот. Что в Украине, наряду с казацким самоуправлением, повсеместно существовало самоуправление городское (Магдебургское право). Что российский имперский центр все это последовательно вытравливал — в том числе и посредством целенаправленной русификации, включавшей временами и запреты на публичное использование украинского языка.

С такими установками и встретила российская власть, поддерживающие ее имперские патриоты разных рангов и большинство населения украинский Майдан, ими и руководствовались, отвечая на брошенный альтернативной цивилизации вызов. И в Крыму, и в войне на Донбассе, в которой они проявлялись весьма своеобразно. Заметки об этой войне тоже образовали в книге большой тематический раздел.

Феномен нелегальной войны и мифотворцы

У российской власти, в отличие от солидарных с ней элитных и рядовых имперских патриотов, неправовая политика прикрывалась правовой риторикой не избирательно, не от случая к случаю, а всегда. И во время Майдана, и в пору крымской силовой операции, и в ходе войны на Донбассе. Поэтому и войну эту пришлось вести нелегально, в своем в ней участии официально не признаваясь, а донбасский вооруженный конфликт объявив исключительно внутриукраинским. Это сопровождалось такими явлениями, как запрет на публикацию статистических сведений о гибели военнослужащих не только в военное, но и в мирное время; сокрытие при похоронах погибших в Украине причин смерти; непризнание плененных в ней солдат и офицеров числящимися в российской армии или объявление их попавшими в Украину случайно. Кто не в курсе, может узнать из книги.

В этом прецеденте нелегальной войны, перипетии которой я с самого ее начала отслеживал, военное столкновение России и Украины переплелось с дипломатией, с постоянными телефонными (и не только телефонными) переговорами сторон, в том числе и на высшем уровне, при участии в этих переговорах западных стран в роли посредников. А западные страны свою миротворческую миссию дипломатией не ограничивали, они тоже вовлекли себя в противоборство с Россией посредством направленных против нее экономических санкций. Тем самым показывая, что войну на Донбассе считают именно войной России с Украиной, главный виновник которой — Москва.

Однако такая ситуация не могла длиться долго: двусмысленное положение России с сопутствующими ему экономическими и репутационными потерями понуждало ее думать о том, как из этой ситуации выбираться — разумеется, на своих условиях. И уже в начале сентября 2014 года Россия в лице ее президента после военного успеха под Иловайском, остановившего наступление украинской армии, предложила начать переговоры о прекращении огня. Но тут-то и выяснилось, что игру права силы против права проще начать, чем завершить. Чтобы завершить, нужна была готовность выйти из состояния нелегальной войны, а Россия такой готовности в себе не обнаруживала. И потому, что свое участие в войне не признавала, и потому, что выход из войны считала возможным позволить себе только по достижении собственных целей в ней, которые с целями Украины были несовместимы. Поэтому состоявшиеся вскоре переговоры в Минске могли закончиться или ничем, или, как и произошло, подписанием имитационных соглашений, заключенных поверх целей и интересов противоборствующих сторон и потому невыполнимых. После чего мне пришлось много и подробно писать о том, как невыполнимое пробовали выполнить.

Украина, заинтересованная, во-первых, в разоружении донбасских боевиков и, во-вторых, в выводе со своей территории российских войск, согласилась не документировать однозначно первую цель, а относительно второй удовлетворилась записью о выводе с Донбасса войск и вооружений «иностранных». На иное Россия бы не согласилась. Россия же подписала соглашения, главной цели своей в них не обозначив вообще.

А цель была в том, чтобы интегрировать самопровозглашенные ДНР и ЛНР, которые поддерживала, в правовое поле Украины как политических сателлитов Москвы, правомочных влиять на политику Киева.

Понятно, что ни Украину, ни западных посредников такое устроить не могло. Поэтому Россия согласилась ДНР и ЛНР в тексты договоренностей не вписывать, удовлетворившись готовностью Киева предоставить городам и другим населенным пунктам на не контролируемых им донбасских территориях особый статус местного самоуправления. Но и от цели своей Москва отказываться не намеревалась. То, что невозможно было согласовать и зафиксировать на бумаге, она решила сделать — вопреки зафиксированному на бумаге — необратимым по факту.

Уже через несколько дней после подписания минских документов в Донецке и Луганске было объявлено о проведении не предусмотренных ни этими документами, ни украинским законодательством выборов парламентов и глав республик, и 2 ноября 2014 года, вопреки протестам Киева, Вашингтона, Брюсселя и даже генсека ООН, они состоялись. А после того, как состоялись, в Москве были объявлены минским соглашениям соответствующими, что ни Киеву, ни западным миротворцам убедительным показаться не могло. Попытки возобновить переговоры, в книге тоже отслеженные, успехом не увенчались, и соглашения были похоронены возобновленной Донецком, Луганском и Москвой ширококомасштабной войной, которая была приостановлена новыми минскими соглашениями («Минском-2») о том, как выполнять соглашения прежние. Но и они оказались невыполнимыми, и мне ничего не оставалось, как снова описывать, как невыполнимое пытаются выполнить.

Это было невозможно, потому что цели и интересы Киева и Москвы оставались непримиримыми. В Европе и США это долго не осознавали, ибо не только Киев, но и Москва декларировала приверженность политико-правовому принципу суверенитета и территориальной целостности Украины. Но в Европе и США, с их устоявшимся представлением о суверенитете, не подозревали, а потому не предусмотрели, что он может пониматься иначе, чем понимается ими. Что для Москвы он может означать наличие на территории соседней

страны ее сателлитов, полномочных влиять на политический курс этой страны. Поэтому, дабы склонить стороны к компромиссу, пробовали оказывать давление то на Россию, то на Украину, пока не поняли, что попытки примирить право с «правом» бесполезны, после чего безоговорочно признали правоту Украины, которая после победы Майдана отстаивала свой цивилизационный выбор не только в войне, но и запущенными, несмотря на войну, реформами.

Новый опыт Украины и Россия

В реформах, которые в Украине проводятся, меня прежде всего интересовало, насколько удастся ей продвигаться к верховенству права. Именно этого требовал Майдан, именно этого требовали от новой украинской власти Брюссель и Вашингтон после подписания Соглашения об ассоциации Украины и Европейского союза. Но по мере продвижения к цели стала обнаруживаться неподатливость проблемы. Выяснилось, что посткоммунистическая неправовая государственность не преобразуется в государственность правовую ни демократизацией политической системы, ни свободными выборами, ни независимыми от государства СМИ, ни антикоррупционными и люстрационными законами.

Я долгое время считал, что верховенство права не может быть обеспечено в условиях конституционно узаконенной президентской монополии на власть, как это имеет место в России и имело место в Украине при президентстве В. Януковича. Полагаю и сейчас, что без конституционной реформы, реально разделяющей власть на независимые ветви, продвижения к правовому государству не получится. Однако украинский опыт показывает, что демонтаж конституционно узаконенной политической монополии сам по себе проблему не решает. И в сочетании с тем, что перечислено выше, не решает тоже.

Этот опыт свидетельствует о том, что преобразование посткоммунистической неправовой государственности в правовую еще сложнее, чем преобразование государственности коммунистической. Потому что в первом случае над рядовым человеком появился наряду с чиновником и такой персонаж, как «олигарх». Их взаимовыгодное содружество образует надзаконную

систему, функционирующую по формуле «деньги — власть — деньги», как в Украине, или по формуле «власть — деньги — власть», как в России. Об этом в моих заметках говорится, как говорится и о том, что в России сохраняется инерция государства, в котором еще в XVIII веке обнаруживали сочетание «воинского стана», т.е. армейской организации жизни, и «торжища», т.е. торговли должностями, чиновными и судебскими услугами и решениями. В Украине же традиция «воинского стана», романтизируемая российскими идеологами альтернативной цивилизации, после распада СССР осталась в прошлом, но традиция «торжища» обнаружила глубинную укорененность и колоссальной силы сопротивляемость попыткам ее искоренения.

Тем не менее украинский опыт интересен не только обнаружением сложности проблемы, но и продвижением к ее решению. Интересен в том числе и тем, что в Украине в продвижении этом испытываются реформаторские возможности старой элиты, сформировавшейся в постсоветской коррупционной системе, по части демонтажа этой системы и ее трансформации в правовую. Эта элита повязана инерцией кланово-корпоративных связей и обязательств. Но одновременно она повязана и двойным давлением со стороны украинского гражданского общества и Запада, ставящего экономическую и политическую поддержку Украины в жесткую зависимость от направленности и темпов реформ.

Я много писал о том, что в этом отношении было сделано. И о переменах в Генеральной прокуратуре, которую по настоянию Вашингтона и Брюсселя и при жестком сопротивлении прокурорской корпорации и солидарных с ней групп возглавил человек, к корпорации этой не принадлежавший. И о создании специализированных антикоррупционных институтов, выведенных из подчинения исполнительной власти. И об открытой электронной системе декларирования доходов и расходов должностных лиц с сопутствующим надзором за честностью деклараций и предусмотренными наказаниями за обман. И о запуске судебной реформы, после которой около четверти судей сочли за лучшее перестать быть судьями. И о принятии законов, блокирующих использование коррупционных схем. Все это непросто было сделать, это заняло много времени,

ибо Украина изначально отказалась от реформации посредством волевых авторитарных наскоков, предпочтя им изменения при соблюдении институциональных процедур.

Можно ли говорить о том, что сопротивление старой системы в Украине сломлено? Нет, нельзя. Хотя бы потому, что к концу 2017 года не завершена была судебная реформа, оставшаяся едва ли не главным бастионом коррупционной системы. И даже утверждать, что конечный успех гарантирован, нельзя тоже. Но, наблюдая происходившее в соседней стране, трудно было не заметить, как в ответ на неутихавшие скептические голоса относительно антикоррупционной стратегии в Украине все громче звучат констатации происходящих сдвигов, пусть и скромных, на этом направлении. И общий вектор движения — не форсированного, но последовательного — там не меняется, симптомов отката назад не наблюдается. Когда же оно притормаживается, следует незамедлительная негативная реакция украинского общества, а также Брюсселя и Вашингтона, которая в книге отслеживается. Все это тоже конечный успех не гарантирует. Украина в эпохе перемен, а не их завершения, социальная ткань испытывается ими на прочность, а перемены испытываются на реформаторское качество и укореняемость в повседневности, но даже реформами недовольные свертывать их не настроены.

Не могу не отметить, что чуть ли не во всех текстах этой главы я писал о том, что в России украинский опыт продвижения к правовой государственности — ни в успехах его, ни в неудачах, ни в выявившихся системных проблемах — никакого интереса не вызывает. Ни у власти, что понятно, ни у оппозиции, намеревающейся власть эту рано или поздно сменить, что понять труднее. Хотя бы потому, что российские постсоветские проблемы во многом с украинскими схожи. А еще потому, что предлагаемые в России решения существуют как бы отдельно от этих проблем, выявленных в Украине во всей их глубине и сложности, а потому выглядят не столько решениями, сколько малосодержательными декларациями о благих намерениях. Возможно, в этом проявляются не только индивидуальные особенности проектантов, но и особенности постсоветской российской государственной системы, которые рассматриваются в следующей главе книги.

Российская государственная система. Власть и оппозиция

Если Украина вознамерилась освободиться от навязанной ей имперско-державной государственной традиции и обрести правовое качество, то Россия именно на эту традицию, синтезирующую «воинский стан» с «торжищем», пытается опереться, корректируя ее в соответствии с современными внешними и внутренними вызовами. Воспроизводя традиционное для страны верховное единоличное правление, она отказалась от прежних способов его легитимации — досоветского монархического и советского идеологического, предпочтя им всенародное избрание первого должностного лица и конституционное узаконивание его полномочий. Но то было имитацией правовой государственности, ибо объем этих полномочий возвышал президента не только над исполнительной, но и над законодательной и судебной ветвями власти. Что позволило со временем подчинить их власти президентской, а это, в свою очередь, явилось одной из причин того, что в области законотворчества и правоприменения государство стало отдаляться от декларируемых в Конституции правовых принципов.

Однако в России, где политическая традиция с властью права никогда не соотносилась, конституционное закрепление президентской властной монополии само по себе не могло обеспечить ее устойчивую легитимность, что и выяснилось в последний период правления Б. Ельцина. Поэтому власть именем закона начала при президентстве В. Путина дополняться ее традиционной для России легитимацией посредством апелляции к великодержавной имперской традиции и имперскому патриотизму. Это стимулировалось и конкретными событиями — курсом Грузии, а потом Украины на интеграцию с Западом, которые российским руководством воспринимались вызовами этой традиции, требующими адекватных ей ответов, даже если последние противоречат нормам международного правопорядка. Унаследованный ядерный статус страны и право вето в Совете Безопасности ООН считались надежными гарантиями безнаказанности таких ответов, а позитивная реакция на них российского общества показала, что легитимность власти в России в значительной степени определяется именно

ее способностью демонстрировать в политике верховенство силы над правом. По крайней мере, при его мимикрии под законность, которая (мимикрия) и стала едва ли не основным самобытным принципом не только внешней политики государства, но и способом внутреннего управления.

Речь о том, что В. Путин, идя на свои первые президентские выборы, назвал «диктатурой закона». Потом эта формула из официального обихода исчезла, но я давно уже использую «диктатуру закона» для описания утвердившегося способа управления страной и поддержания сложившегося в ней социального порядка. Против использования этого термина многие возражали, и читатель увидит в моих заметках следы дискуссий, в которых я его отстаивал, как продолжаю отстаивать до сих пор. Потому что в законодательной и правоприменительной реальности мы чуть ли не каждодневно наблюдаем то, что передается сочетанием двух несовместимых по смыслу существительных. Диктатура есть власть, законом не ограниченная, а потому и «диктатура закона» может означать лишь диктатуру *над* законом, используемым как ее инструмент. Но разве не это мы видим в реальности?

Мы видим в мирное время сосуществование конституционного правления с практиками чрезвычайных ситуаций, уподобляющих в духе прежних милитаризаций мирное время военному, но при этом действие конституционных норм не приостанавливается, а их нарушения, включая законодательные, стали фактической нормой. Так государственная система реагирует на все, что воспринимается угрозой ее устоям и ее безопасности, исходящей от общества. Тексты, размещенные в книге, напомнят читателю о том, как эта «диктатура закона» действовала в последние годы, как понятия экономической, политической и военной безопасности дополнялись понятием безопасности гуманитарной, что могло сопровождаться уголовными наказаниями за такие, например, поступки, как воспроизведение в Интернете чужой статьи с иными, чем официальные, оценками событий Второй мировой войны. И еще в этих текстах можно прочитать о преемственной связи такого способа защиты государства от общества с тем, что происходило в иные времена. Равно как и о том, чем нынешняя эпоха данный способ обогатила.

Понятно, что в таком государстве оппозиция, ориентированная на системные изменения ради утверждения верховенства права, не может избежать маргинализации. Ей могут позволить участвовать в выборах, но ее контакт с населением при государственной монополии на телевидение и, соответственно, легальный приход к власти надежно заблокированы. Заблокированы они и ориентацией действующей власти на имперско-державную традицию как на источник своей легитимации. Что вынуждает оппозицию ставить себя к этой традиции в положение не только отталкивания, но и частичного притяжения, которое может проявляться и в притязаниях на вождистско-харизматическое лидерство, у которого с правом, как известно из мирового опыта, отношения всегда непростые.

Как бы то ни было, российская оппозиция вынуждена в первую очередь думать о том, как добраться до власти, когда добраться невозможно, а не о том, что и как делать после прихода к ней, учитывая, что массового человека это мало интересует. Поэтому, наверное, в ее политических программах основное внимание сосредоточено на критике сложившейся в России государственной системы и описании системы, ей альтернативной, и почти не затрагивается маршрут и способы перехода от одной системы к другой. Поэтому же, могу предположить, так мало интересует оппозицию опыт украинской реформации, притом что относительно Украины и ее взаимоотношений с Россией высказываются много и охотно. И не только политики, но и интеллектуалы. Не менее охотно, чем люди власти. У меня целый раздел получился в книге, где представлены и комментируются мнения известных людей по этим и другим темам.

В высказываниях ведущих оппозиционных политиков и либерально мыслящих (не только в духе 1990-х годов) интеллектуалов, причисляющих себя к русским европейцам, мое внимание прежде всего привлекали суждения, в которых прямо либо косвенно проявляется зависимость от имперско-державной и авторитарной традиций российской государственности. А в высказываниях высших должностных лиц — светских и духовных — больше интересовали их ценностные обоснования российского социального порядка и язык его легитимации. Может показаться, что в выдержках, ниже представленных, речь идет о разных вещах. Но если вдуматься, то об одном и том же при разных углах зрения.

Время и лица

1. Люди власти

В отобранных мной декларациях¹ людей власти, светской и духовной, не упоминаются ни Крым, ни Донбасс, ни Сирия, ни российско-украинские отношения, но импульсы этим высказываниям проистекали из ведущихся Россией войн и вызванного ими обострения отношений с Западом. Думаю, нет смысла пояснять, где в риторике власти речь идет о реальной политике, ее целях и смыслах, а где — об ее ценностном фасаде, за которым сокрыты иные цели и иные смыслы.

- Россия — пионер в утверждении принципов международного права, демократии и справедливости в международных делах.
- Россия стремится быть сильной, но в этом нет притязаний на великодержавность, она никогда никому ничего не навязывала и навязывать не собирается.
- Россия и Запад движутся не встречными путями и не по одному пути, на котором Россия догоняет Запад, а параллельными маршрутами.
- Россия бережно относится к своей истории, включая и такие ее периоды, как пребывание под властью Золотой Орды. Ибо тогда были такие люди, как Александр Невский, отстаивавший право русского человека самому распоряжаться своей судьбой вопреки попыткам европейского Запада полностью подчинить русские земли, лишить их собственной идентичности.
- Причины разногласий между Россией и Западом в разнице мировоззрений. Российское мировоззрение основывается на представлении о добре и зле, о высших силах, божественном начале, между тем как западное — на интересе и прагматике. В душе русского человека, в отличие от других народов, всегда есть стремление к высокому моральному идеалу, к высоким моральным ценностям.

---

¹ Все приведенные ниже высказывания представляют собой выжимки из устных и печатных выступлений разных людей. Соответствующие тексты и ссылки на их источники можно найти в книге.

- России чуждо западное лицемерие, которое закономерно сопровождается прогрессирующим моральным недугом Запада.
- У России ее фундаментальные основы, на которых она стоит, имеют столь глубокие и прочные корни, что ее замечательное, прекрасное будущее неизбежно.
- Социальный идеал России — нравственное государство и солидарное общество.
- Россия не должна воодушевляться лозунгом свободы, равенства и братства, который в практическом воплощении чреват большим злом. Любые политические идеи должны быть подчинены абсолютному, божественному началу.
- Для российской власти важны не территория, не границы, а судьбы людей.
- В России перед законом все равны, ее судебная система одна из самых развитых.
- В мире нет государства, которое более заинтересовано в защите прав и интересов людей вне зависимости от вероисповедания, гражданства и места проживания, чем Россия.

2. Либеральные политики и интеллектуалы

Разумеется, все или почти все вышесказанное этим европейски ориентированным людям чуждо. И тем не менее они, вдохновляемые совсем другими идеалами, вольно либо невольно прислоняются к государственной традиции, наследуемой людьми власти. И это тоже производная украинских событий, что из представленных фрагментов высказываний хорошо видно. Обратите, в частности, внимание на неприятие русскими европейцами желания украинцев продвигаться в направлении европейской цивилизации отдельно от России и вопреки России.

- Россия вправе претендовать на лидерство на постсоветском пространстве, для чего именно она (а не Украина) должна стать лидером европейской интеграции этого пространства.
- Украина могла бы стать лидером европеизации всего постсоветского пространства, и прежде всего России, если бы

строила свою идентичность не на противопоставлении России, заикливаясь на Крыме, Донбассе и исторической мифологии противоборства украинцев и русских, а на поиске компромисса исторических памятей и общности сегодняшней цели — созидания в обеих странах европейского общества.

- Своими действиями в Украине Путин отвечает на вызов Запада национальным интересам России, для которой европеизация соседней страны чревата большими неприятностями во всех отношениях. Поэтому не изобличать Путина надо, а понять его, предложив другой, альтернативный ответ на угрозы, который, однако, не предлагается.
- В происходящем в Украине виновна не только Россия. В Киеве должны были сознавать, что после Майдана и переориентации на Запад Россия, как крупная держава со своими геополитическими интересами, не сможет повести себя иначе, чем повела.
- Для современной России ключевой вопрос — сменяемость власти, а не принадлежность Крыма. Если вопрос о его принадлежности снижает шансы на сменяемость власти в России, то нужно цинично и жестко отложить его в сторону.
- Поддерживать цивилизационное отмежевание Украины от России — это вопреки всей русской литературе, от Пушкина до Булгакова.
- Надо быть очень далекими от народа, чтобы не понимать, что через возвращение привычной роли в Крыму и Сирии граждане России обретают самоуважение.
- Место России — в европейской цивилизации, но сама эта цивилизация переживает не лучшие времена, а потому великое предназначение России в том, чтобы спасти Европу и всю христианскую цивилизацию от идеологического и культурного распада.
- Хватит разговоров о «смене системы». Ее меняли не раз, а она всякий раз заново и по-новому себя воспроизводит. Поэтому думать надо не о том, чтобы вместо авторитаризма установить демократию, а о долговременной экономической стратегии и ее реализации, которая авторитаризмом при определенных обстоятельствах может

осуществляться (и в ряде стран осуществляется) лучше, чем демократией.

- Российскому авторитарному режиму, чтобы стать эффективным в достижении либеральных целей, желательно увеличить степень своей авторитарности, освободившись от имитационных либеральности и демократичности.

Не все, кто причисляет себя к русским европейцам, мыслят именно так или сходным образом. Но я привел эти высказывания потому, что в них, как и в суждениях людей власти, преломляются как элитарные представления о ментальных особенностях российского общества, так и сами эти особенности, заметки о которых собраны в заключительной главе книги.

Ментальности альтернативной цивилизации

Как и элита, российское население ментально неоднородно, а точнее — расколото. Преобладающая часть его тяготеет к полюсу персонифицированной власти, существенно меньшая — к тем, кто ей противостоит. И, как и в элите, часть этой меньшей части во избежание маргинализации прислоняется к властечетричной ментальности части доминирующей. А та проявляет себя вовсе не в доверии к исходящей от власти риторике насчет приоритетной заботы государства о людях, равенства всех россиян перед законом или справедливости российских судов. В данном отношении никакого доверия как раз нет. Но есть солидарность с властью в отношении ко всему, что касается особого места и особой роли России в мире, ее и ее граждан цивилизационной уникальности и ее абсолютной правоты в противостоянии иноцивилизационным противникам и геополитическим конкурентам. В том числе и в использовании военной силы в ответ на невоенные вызовы.

Речь идет о солидарности военного типа, память о которой так отчетливо проявилась в восприятии действий «зеленых человечков» в Крыму. Речь о ментальности, которую идеологи альтернативной цивилизации, политическими условностями, в отличие от власти, не обремененные, именуют «геополитическим высокомерием» и «военной культурой», проявления которой обнаружили в последние годы в празднованиях

Дня Победы, сопровождающихся ритуальной военизацией посредством переодеваний в армейскую форму не только взрослых, но и детей ясельного возраста. В книге можно найти немало страниц и об этих празднованиях, и о навеянном ими отностительно российской ментальности и идентичности.

До украинского Майдана и последовавшей за ним операции по присоединению Крыма эта ментальная особенность давала о себе знать разве что эпизодически, как во время скоротечной войны с Грузией в 2008-м. Военные акции России в Украине, мировым сообществом осужденные, выплеснули ее на политическую поверхность. Считается обычно, что причиной тому стала пропаганда подконтрольных Кремлю телеканалов. Однако пропаганда не может актуализировать в сознании то, к чему в нем нет предрасположенности. Люди готовы были поверить, что на Донбассе «нацики» распинают малолеток, как сообщил им об этом телевизор, и потому поверили. Эта вера не нуждалась в рациональных обоснованиях и их отторгала, ибо речь идет о ментальности, рационализмом Нового времени очень мало затронутой. Что стало поводом для нескольких моих дискуссий о тютчевском «в Россию можно только верить», ибо «умом не понять».

Много в книге и текстов о феномене официальной лжи о событиях в Украине, роли в них России и ее, лжи, доверчивом восприятии. Одна из причин такой доверчивости — слабая расчлененность в ментальности представлений о допустимом поведении властей в условиях войны, когда ложь ради дезинформации противника и мобилизации собственного населения считается уместной, и в условиях мира, когда она морально осуждается. Равно как и размытость в сознании границ между армейской организацией, упорядочиваемой приказом, и организацией гражданской, упорядочиваемой правом. Милитаризации государства и общества, упоминавшиеся выше, сохранению такой размытости способствовали, а сменявшие их дозированные демилитаризации в силу своей дозированной почти не способствовали укоренению рационально-правовой культуры. В книге есть заметки о современном явлении, названном «постправдой» и означающем подчиненность сознания эмоциям и убеждениям независимо от фактов и им вопреки. И если даже в странах, где рационально-правовая культура

давно сложилась, обнаружилась незащищенность перед этим явлением, то в России эта «постправа» нашла несопоставимо более благоприятную для себя почву.

Потому что упала в ментальность, где ложь чувствует себя вполне комфортно, ибо может идентифицировать себя с правдой. Не по критерию правдивости, а по соответствию некоему высшему, сродни божественному, началу, которое выше правды и лжи в их обыденном понимании. Равно как и выше закона и права. И когда президент В. Путин объяснял успешное присоединение Крыма тем, что «наша сила в правде», он апеллировал именно к этой доминирующей ментальности. В которой «сила в правде» воспринимается как «правда в силе». Или, что то же самое, как правота власти в использовании этой силы по своему усмотрению.

А ментальность, которая доминанте противостоит, обречена при этом оставаться маргинальной. Даже в том случае, когда в лице либеральных политиков и интеллектуалов пробует к доминанте приспособиться. Будь то установка на продвижение стран постсоветского пространства в европейскую правовую цивилизацию под водительством России или даже при лидерстве Украины, но совместно с Россией. Будь то надежды на авторитарную модернизацию, которая сочленит европейский вектор с предрасположенностью большинства населения к персоналистскому правлению. Такие интеллектуальные синтезы вряд ли реализуемы уже потому, что рассчитаны на рациональное восприятие, доминирующей ментальности чуждое и ею отторгаемое.

Два вектора

Эта книга — о двух разнонаправленных векторах постсоветской исторической эволюции и их жестком противоборстве, включая военное. В одном случае (украинском) мы наблюдаем попытки демонтажа постсоветской чиновно-олигархической системы, прорыва из нее в систему правовую, в другом (российском) — установку на сохранение этой системы и ее укрепление посредством восстановления преемственной связи с имперско-державной традицией. Оба маршрута сопряжены с трудностями. В Украине они вызваны усталостью общества

от донбасской войны и медленностью реформ, плодов которых население в повседневной жизни не ощущает, с сопутствующей политической дестабилизацией. В России — устаревшей структурой ее экономики и конфронтацией с Западом, которая стала следствием ее противоправных действий в Украине. То есть Украина переживает трудности трансформации постсоветской системы, а Россия — трудности самосохранения традиционного для нее типа государственности в современных условиях. Украина переживает эпоху перемен, Россия — времена их целенаправленного блокирования.

Своеобразие переживаемого Россией периода, если рассматривать его в контексте российской истории, я вижу в том, что прежние способы решения назревших задач, включая технологическую модернизацию, страной исчерпаны, а готовности к иным способам в ней не вызрело. Я долгое время считал, что постсоветская Россия находится в послесталинском демилитаризаторском цикле; это мое представление можно обнаружить и на страницах книги. Однако потом стал склоняться к мысли, что цикл этот в 1991 году завершился вместе с распадом советской государственной системы, к постиндустриальному технологическому укладу оказавшейся неприспособляемой. Как и сменившая ее система 1990-х, настроенная на углубление демилитаризации. Нерешенная историческая задача перешла к системе, олицетворяемой Владимиром Путиным, но вопрос в том, в состоянии ли она с этой задачей справиться.

Если история вознамерилась решать ее в логике прежней цикличности, утверждения верховенства права не предполагающей, а предполагающей очередную милитаризацию жизненного уклада, то это означает, что президенту Путину она предписала роль четвертого милитаризатора. Что отвела ему место в ряду таких правителей, как Иван Грозный, Петр I и Сталин, олицетворявших при разных технологических укладах пики милитаризации в старомосковской, петербургской и новомосковской (советской) разновидностях российской государственности. Но в таком случае она отвела ему такую роль и такое место после того, как функции и возможности милитаризаций, распространяемых на весь жизненный уклад и уподобляющих государственное управление управлению армией, были исчерпаны. Консолидировать большинство людей изобретением

внешних угроз или «крымнашизмом» еще можно. Но воспроизвести милитаристско-мобилизационную систему, способную преодолевать технологическое отставание, уже нельзя, ее можно разве что имитировать. История страны, других способов развития, кроме административно-командных, не освоившая, может соблазнять ролью четвертого милитаризатора, но сыграть эту же отыгранную роль никому больше не дано.

Поэтому общее технологическое отставание, оказавшееся неподъемной проблемой для советского режима, оказывается таковой и при режиме постсоветском, воспроизводящем базовые институциональные константы российской государственности — персоналистскую власть и подчиненную ей военно-репрессивную машину. В книге рассматриваются действия властей, предпринимавшиеся для решения этой проблемы, и обосновываются сомнения относительно ее решаемости. Однако такое отставание для ядерной державы в обозримой перспективе угроз безопасности не создает. Равно как не угрожает и ее суверенитету, понимаемому в традиционном для нее имперском смысле.

Действия России в Крыму, на Донбассе, в Сирии показывают, что она, защищенная ядерным зонтиком, претендует на возвращение великодержавного статуса без оглядок на международный порядок, принятые в нем правила игры и их ценностные обоснования. Но действия эти развитию не способствуют. Они не выводят страну из индустриального технологического уклада в уклад постиндустриальный, а консервируют застревание в нем. И вуалируют неспособность к развитию в глазах населения, устрашаемого внешними угрозами и примиряемого с заметным падением жизненного уровня демонстрируемой государством готовностью их упреждать и на них отвечать.

Реформирование же государственной системы в интересах развития в современной России заблокировано. И не только частной заинтересованностью властных «верхов» в ее сохранении, но и имперско-державной традицией, что понуждает и оппозиционных политиков, на такое реформирование претендующих, с нею считаться. Равно как и трудностями преобразования любой постсоветской коррупционной системы в правовую при отсутствии либо слабости социальных субъектов, на такое преобразование ориентированных. Об этих трудностях

можно судить по опыту той же Украины, инерцией имперской великодержавности не обремененной. По крайней мере, применительно к тем случаям, когда, как в Украине, реформирование осуществляется прежней элитой, сформировавшейся в той же постсоветской системе.

Украинский опыт показывает, что совокупный ресурс этой системы, настроенной на обслуживание частных и корпоративных интересов «олигархов», законодателей, чиновников, судей, следователей, прокуроров, несопоставимо значительнее, чем ресурс реформаторов и той части общества, которая настроена на системные перемены. И если они там не только запущены, но и продолжаются, то во многом благодаря политической и экономической поддержке Запада, выступающего в роли внешнего субъекта реформации и компенсирующего дефицит субъектности внутренней. Однако даже в случае успеха украинский прецедент не позволит уверенно утверждать, что такая реформация в обозримой перспективе реальна и в России.

Запад поддерживает Украину, как в свое время страны Восточной Европы, в ее цивилизационной ориентации на Евросоюз при условии согласия на выполнение его требований и практического следования им. В России же сегодня такой установки не просматривается ни в элитах, ни в массовых группах населения. Последние четверть века показали, что Россия готова сотрудничать с Западом и даже имитировать его институты только для того, чтобы нарастить свою способность Западу цивилизационно противостоять. И переводить это противостояние в острые формы, актуализируя и акцентируя свою державно-имперскую традицию в случаях, когда действия Запада воспринимаются покушением на ее цивилизационную особость и сужением сферы ее цивилизационного влияния. Это та реальность, с которой предстоит считаться и Западу, и тем слабым силам, которые ориентируются сегодня на системную трансформацию в самой России.

В свою очередь, осмысление системного кризиса, переживаемого страной, выявляет и такую его особенность, как кризис самой политической мысли. И охранительной и оппозиционной, о чем я много писал и дискутировал. Отсюда же проистекает и феномен, названный мною интеллектуальным насилием над реальностью, как прошлой, так и текущей, и проявляющийся

себя в ее интеллектуальной подгонке под то или иное мировосприятие. О том, как это конкретно выглядит, тоже можно узнать из книги. А довольно широкий, по меркам «Фейсбука», резонанс, который вызвала констатация этого феномена, свидетельствует, похоже, о том, что в интеллектуальном классе вызревает потребность в рефлексии относительно состояния его собственного мышления.

В какой-то степени и книга эта — опыт такой рефлексии. О том, почему мысль продолжает искать дорогу к храму или хотя бы к праву, не находя эмпирических оснований для уверенности и даже надежды, что ее можно найти либо проложить.

О некоторых особенностях книги

Главная особенность в том, что она собрана из заметок в «Фейсбуке» и поначалу вообще не замышлялась как книга. Готовя ее к печати, я столкнулся с тем, что некоторые события, ставшие в свое время импульсом для написания тех или иных заметок, в памяти уже стерлись. Не составило большого труда сообразить, что и читателю заметки эти будут не очень понятны. Пришлось заняться восстановлением событийного контекста, что я и постарался сделать в комментариях к основному тексту.

Кроме того, я учел пожелания редактора относительно прояснения смысла написанного в тех случаях, когда он воспринимается недостаточно ясным. В жанре фейсбучного дневника, писавшегося, как правило, по следам текущих событий, такого рода отдельных неясностей избежать не удалось. Но эти редакторские коррективы не касались оценок событий и прогнозов их развития. Некоторые изменения внесены и в случаях повторений в разных текстах одних и тех же суждений, в фейсбучном формате неизбежных. Там, где повторы можно было убрать, не вторгаясь в содержание, я это сделал, но полностью устранить их не представлялось возможным.

Естественно, что никаких ссылок на источники информации в заметках не было. Ссылки эти я подготовил специально для книги, хотя в ряде случаев, особенно относящихся к комментариям коллег в «Фейсбуке», мне это задним числом сделать не удалось. Естественно также, что не было и тематических разделов, на которые книга разбита. Я сделал эту разбивку

для удобства чтения, сохранив в каждом разделе исходную хронологическую последовательность размещения текстов.

Не могу сказать, что структура получилась идеальной: некоторые заметки из одних разделов могут быть перенесены в другие и даже выглядеть в них тематически уместнее, чем там, где расположены. Однако при структурировании приходилось, в частности, считаться с тем, что тематический принцип порой не стыковался с содержанием заметок, написанных по следам дискуссий о других моих текстах. В этих заметках исходная тема под влиянием заданных ходом полемики импульсов уходила на второй план или вытеснялась другой, но перенести их в другие разделы не представлялось возможным — там они выглядели бы внеконтекстными. А в ряде случаев содержание текстов укладывалось в тематику разных разделов, и тогда я размещал их там, где они казались более полезными для раскрытия смысла событий и процессов.

Хочу сказать и о том, что в книге есть несколько текстов, которые я размещал в «Фейсбуке» после того, как они были опубликованы в разных изданиях. В контексте сетевых обсуждений мне представлялось это уместным. Обсуждений, содержанием и логикой развертывания которых в моих заметках определялось очень многое. За что я чрезвычайно признателен всем друзьям и коллегам, принимавшим участие в дискуссиях. Без них значительной части этой книги просто не было бы.

Особая моя благодарность — Татьяне Кутковец, с которой мы в течение многих лет постоянно обсуждаем затрагиваемые в книге проблемы, и Сергею Клямкину — за содержательную и редакторскую помощь в подготовке этой книги к публикации.

2018, январь